О ТЕЛЕВИЗОРЕ, ТЕЛЕФОНЕ И БОЛЬШЕВИКАХ
(байка четырнадцатая)

(Продолжение. Начало в РЭТ №4, 2003 г.)

Геннадий Гендин (Москва)

Среди моей многочисленной «элитной» клиентуры числилось много «звезд первой величины» из самых различных социальных слоев: народные артисты столичных театров, герои кинолент, директора крупнейших магазинов, члены правительства, министры, писатели – всех не перечислить. В моей записной книжке тех лет, которую я специально сохранил как реликвию, есть домашние адреса и телефоны Сергея Лемешева, Михаила Жарова, Клавдии Шульженко, Изабеллы Юрьевой, Льва Мирова, писателя Льва Кассиля, министров Серова, Щелокова, Бенедиктова. Впрочем, сегодняшним читателям многие из этих имен вообще ни о чем не говорят, а некоторые вызывают лишь смутные воспоминания о том, что эти имена они где-то когда-то слышали.

Тот факт, что «букет» этих имен сконцентрировался в моей записной книжке объяснялся довольно просто тем, что у многих из них были в эксплуатации не только наши отечественные радиоаппараты, но и привезенные «оттуда» импортные телевизоры, приемники, магнитофоны, радиокомбайны, к обслуживанию которых наша официальная сервисная служба в то время была еще не готова.

Одним из таких моих постоянных клиентов был Лев Михайлович Шаров. Для абсолютного большинства жителей нашей страны Лев Михайлович не представлял никакого интереса, а его служебная деятельность могла бы даже показаться пустяковой, несерьезной и малоинтересной. Но для определенной категории граждан имя Льва Михайловича было не просто знакомо – в их оценке его рейтинг далеко превосходил рейтинги всех знаменитостей страны вместе взятых. Потому что Лев Михайлович был... что, думаете, угадаете? Напрасный труд, даже и не пытайтесь. Так вот, Лев Михайлович Шаров был начальником ДИЭЗПО, что в переводе с языка аббревиатур на нормальный русский язык означает Дирекция по Изданию и Экспедированию Знаков Почтовой Оплаты.

Звучит на первый взгляд немного странно, но отнюдь не внушительно и даже на первый взгляд где-то перекликается с хорошо знакомым ДЭЗом – дирекцией эксплуатации зданий. Но если вместо каких-то знаков почтовой оплаты сказать попросту, по русски «почтовые марки», то тогда вы сразу смекнете, что Лев Михайлович был Королем, Президентом, Цезарем, наконец – Императором и Властелином огромной империи, которая называлась филателией.

В империи Льва Михайловича только у нас в стране насчитывалось несколько десятков миллионов подданных, филателистическая жизнь которых целиком и полностью зависела исключительно от него, поскольку только он один, Лев Михайлович Шаров, единолично решал, когда, сколько и каких именно марок будет выпущено в стране, где, когда и в какие часы будут осуществляться спецгашения этих марок и особых «тематических» конвертов.

Власть его внутри своей империи была безгранична и не шла ни в какое сравнение с властью государственных особ любого ранга. Над ним практически не было никакого руководства, хотя формально ДИЭЗПО входило в структуру министерства Связи, и когда, например, Леонид Ильич Брежнев желал лично побеседовать со Львом Михайловичем Шаровым, то во время таких бесед посторонних, как принято говорить, просили удалиться, и содержание их бесед оставалось между ними. А такие беседы происходили не так уж и редко и обычно предшествовали выездам Генсека за рубеж, поскольку последний любил не только получать дорогие подарки, но и сам выступать в роли дарителя уникальных и раритетных «знаков почтовой оплаты».

Иногда, будучи в особо хорошем расположении духа, Лев Михайлович, с которым у нас сразу же установились неформальные дружеские отношения, одаривал и меня царскими подарками вроде альбома с маркированными конвертами с изображениями всех советских космонавтов, начиная с Гагарина, с их личными подписями (не факсимильными, а именно подлинными, собственной авторучкой!) или конвертами со спецгашениями на борту космических кораблей и орбитальной станции «Мир».

Однако вернемся все же к теме нашего рассказа. Итак, в один прекрасный день мне на работу позвонил Лев и попросил оказать ему помощь: его вышестоящему начальнику вечером привезли какой-то заумный музыкально-телевизионный центр с инструкцией на японском языке и к нему целую коробку разных шлангов, в которых он сам никак не разберется. Еще Лев сказал, что через 10 минут заедет за мной, а от меня мы заедем к «шишке».

Он и вправду приехал уже через 10 минут, и мы отправились на Старую Площадь. По дороге я спросил, откуда вдруг у него появилось «вышестоящее начальство»?

– Вообще то мы формально подчиняемся напрямую министру связи, но фактически он в наши дела вмешиваться не имеет права, а курирует нас начальник управления связи ЦК КПСС, – пояснил Лев, – Вот к нему то мы сейчас и едем.

В здании ЦК нас уже ожидал провожатый, с которым мы, получив заранее оформленные пропуска, поднялись на лифте, не помню уж на какой этаж. Перед входом в коридор у нас еще раз очень внимательно проверили пропуска и паспорта, придирчиво определили степень сходства наших лиц с изображениями на фото и, наконец, впустили в святая святых.

Начальник управления показался мне несколько тучноватым и почти сердитым: возможно, впрочем, что в этот день в его ведомстве что то было не так или он остался недоволен телефонным разговором, поскольку в момент нашего появления он что-то писал правой рукой, а в левой, лежащей на столе, сжимал телефонную трубку.

Увидев нас, он молча положил трубку на рычаг одного из по крайней мере десяти телефонов и коротко бросил, указав на целую галерею стульев:

– Прошу!

Затем взглянул на стоявшие в углу большие напольные часы в роскошном деревянном футляре, показывавшие без четверти одиннадцать, добавил:

– К сожалению, у нас есть только десять минут. Успеете рассказать что к чему? Я захватил с собой эти иероглифы, но, к сожалению, в инструкции нет картинок, а я с этой техникой раньше не встречался.

К счастью для нас всех, я уже сталкивался с таким аппаратом в Торговой Палате, поэтому я попросил лист бумаги, пронумеровал в инструкции все блоки и все шланги и на листе пометил русскими буквами, что с чем следует соединять, а также как пользоваться сенсорной кнопочной станцией для управления комбайном.

– Вот и отлично! – сказал он. Сейчас я, к сожалению, занят и не смогу с вами поехать, так что вы со Львом Михайловичем поезжайте ко мне домой одни, все подсоедините, отрегулируйте, а вечером часов в десять я позвоню вам домой, если что-нибудь будет неясно.

– Это не поздно? – добавил он, повернувшись ко мне.

– Это не поздно, – ответил я, – но боюсь, что из этого ничего не получится, так как у меня нет домашнего телефона.

– Нет телефона??! – казалось, он был не просто удивлен, но потрясен моим заявлением, – Почему нет??!

– Видите ли, мы только что получили квартиру в новом районе, и там еще нет телефонной подстанции.

Здесь я должен объяснить нашим сегодняшним читателям, что в те годы получить личный телефон можно было только единственным путем – записавшись в общую очередь и отстояв в ней минимум полтора-два года. При этом никаких льгот и привилегий на эту очередь не распространялось, а в районах новостроек, как в моем случае, где еще не было собственной АТС, даже не производилась запись желающих в очередь.

После этого моего сообщения, он молча оторвал от блокнота листок, протянул его мне и сказал:

– Напишите ваш полный адрес.

Я написал, хотя и не понял, для чего это надо. Он, в это время не оборачиваясь, снял наощупь трубку с одного из телефонов, взял у меня написанный листок и, ни к кому не обращаясь, просто продиктовал в трубку мой адрес. Затем подождал не более минуты, так же молча кивнул, приписал что-то на моей шпаргалке, после чего положил трубку на рычаг, переписал с моего листка что-то к себе в блокнот и вернул мне мою записку.

– Вот здесь номер вашего домашнего телефона. И, вставая из-за стола, добавил:

– Так я сегодня вечером позвоню. А теперь извините, мне нужно идти.

* * *

– Послушай, Лев, это что, розыгрыш? – спросил я, когда мы сели в машину.

– Я же ясно сказал, что у нас там нет еще даже АТС.

Лев засмеялся и весело ответил:

– Раз сказал, что позвонит, значит позвонит. В этом здании трепачей не держат. И потом, разве ты забыл, что «... нет таких преград, которые бы не могли преодолеть большевики»?

И, уже посерьезнев, добавил:

– Можешь не сомневаться, к вечеру телефон у тебя будет. Я знаю кому он давал указания – это прямой телефон моего шефа, Псурцева – министра связи. Кстати, дай-ка я перепишу к себе твой номер...

* * *

Когда вечером я вернулся домой, меня встретила перепуганная дочка.

– Слушай, пап! Тут без тебя приходили какие-то три мужика и сказали, что будут ставить телефон. Я сначала не хотела их пускать, но они назвали твою фамилию, и я их пустила. Они и правда, поставили телефон и при этом все допытывались, что ты за шишка, потому что их послал лично министр.

– Но куда же они его подключили то?!! – воскликнул я.

– А они приехали с такой здоровенной пожарной лестницей и сказали, что пока протянут воздушку-времянку в МИФИ. А телефон и вправду работает, я уже звонила бабушке, а она – мне!

* * *

После этого случая я почти уверовал в то, что в нашей стране для истинных большевиков и впрямь нет непреодолимых преград. Если, конечно, при этом исходить из того, что понятие б о л ь ш е в и к является производным не от слова б о л ь ш и н с т в о, а от слова Б О Л Ь Ш О Й.

Продолжение следует.